

войну исключительно из-за прав иностранцев в Северном Китае. Но вопрос о Корее по-прежнему не получил разрешения, да и могло ли соглашение состояться в принципе – это вызывало в Токио всё больше сомнений. Поэтому защита прав иностранцев в Китае являлась необходимой составной частью японской позиции.

И всё-таки 30 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Генро решил продолжать переговоры с Россией, даже в случае получения очередного неудовлетворительного для Японии ответа. То есть, разрыв отношений ещё не был предreshён. Тем не менее, атмосфера постепенно накалялась: вместе с сообщением о заседании совета, Ю. Комура предписал Ш. Курино проявлять минимум самостоятельности и все, даже малозначительные действия, согласовывать с Токио¹⁵⁴.

11.6. После третьего раунда

31 декабря 1903 г. (12 января 1904 г.) Р.Р. Розен получил ответ Токио, ставший последним¹⁵⁵. Из него проистекало, что стороны как будто нащупали консенсус относительно Маньчжурии. В случае, если Россия обязывалась соблюдать там договорные права иностранцев, Япония признавала всю Маньчжурию вне сферы своих интересов, а также специальные интересы России там и право на их защиту (это был далеко не режим «открытых дверей», который хотели бы установить Англия и США). Япония удалила из ст.5 слова о неиспользовании Кореи в стратегических целях. Главным спорным пунктом по-прежнему оставалась нейтральная зона в королевстве¹⁵⁶.

---

¹⁵⁴ Ю. Комура – Ш. Курино 14 января 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел). Т.37. Ч.1. Токио, 1958. С.34–35.

¹⁵⁵ 1. Исключение первого пункта статьи 5-й русских встречных предложений (представленных японскому правительству бароном Розеном 11-го декабря), т.е., “не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей”.

2. Исключение всей статьи (6-й), относящейся до установления нейтральной полосы.

3. Принять русское предложение касательно Маньчжурии со следующими изменениями:

а) признание Японией находящимися вне сферы её интересов Маньчжурии и её побережья и обязательство со стороны России уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии;

в) Россия в пределах Маньчжурии не будет мешать Японии и другим державам в пользовании правами и преимуществами, приобретёнными ими в силу существующих договоров с Китаем;

с) признание Россией Кореи и её побережья находящимися вне сферы её интересов.

4. Добавление статьи такого содержания: “Признание Японией специальных интересов России в Маньчжурии и права России принимать меры, необходимые для охраны этих интересов” (Телеграмма Ю. Комуры Ш. Курино 13 января 1904 г. // Японская Белая книга... С.216).

¹⁵⁶ Симанский П.Н. Указ. соч. С.196.

В.Н. Ламздорф, правда, ещё боролся за пункт о запрете на стратегическое использование корейской территории, заручившись поддержкой Франции. Но – главное – он признавал трактатные права иностранцев в Маньчжурии без оговорок и отказывался вообще от нейтральной зоны на полуострове¹⁵⁷. К середине января 1904 г. министр составил новый проект соглашения в этом духе¹⁵⁸. Видимо, это был тот текст, который устроил бы японцев. Даже британские дипломаты отметили значительное возрастание шансов на согласие¹⁵⁹.

Неожиданно в ход переговоров вмешался В.К. Плеве. Сначала перед Новым годом он заявил в Комитете министров, что взрывоопасная ситуация внутри России заставляет его выступить категорическим противником войны¹⁶⁰. А в ночь с 7 на 8 (20–21) января он встречался с Ш. Курино и заявил ему, что японские поправки к тексту соглашения приемлемы¹⁶¹. Возможно, именно этот разговор продлил переговоры. 24 января Т. Кацура и микадо решили: если Россия примет японские условия – войны не будет, если прозвучат приемлемые контрпредложения – продолжать переговоры, если отклонит – начинать боевые действия¹⁶².

В Петербурге для обсуждения положения 15 (28) января 1904 г. созвали ещё одно Особое совещание в прежнем составе: Ф.К. Авелан, А.Н. Куропаткин, В.Н. Ламздорф, А.М. Абаза, великий князь Алексей Александрович¹⁶³. Мнения опять разделились: против дальнейших уступок говорили только великий князь и морской министр. В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин фактически согласились с тем, что Корею следует отдать Японии, впрочем, сопровождая это некоторыми оговорками (В.Н. Ламздорф – о необходимости свободы плавания через Корейский пролив и неиспользования полуострова в стратегических целях). А.М. Абаза придерживался особой позиции, предлагая поделить Корею между Японией и Россией по водоразделу рек. Это был давно, задолго до 1903 г. пройденный этап русско-японских переговоров. Его позиция не нашла поддержки ни у одного участника совещания. Более разумным выглядело предложение о

¹⁵⁷ В.Н. Ламздорф – Николаю II 2 (15) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.145–147.

¹⁵⁸ Проект соглашения России и Японии, б/д. // Там же. Л.158.

¹⁵⁹ Ч. Скотт – Г. Ленсдоуну 21 января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.91 turn.

¹⁶⁰ До этого В.Н. Ламздорф, по свидетельству А.Н. Куропаткина, имел «основание думать, что Плеве не прочь иметь войну с Японией» как средство отвлечь «внимание масс от политических вопросов». Однако военному министру удалось убедить своего коллегу, «что война с Японией не уменьшит его забот об успокоении России» (Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.113).

¹⁶¹ Ч. Скотт – Г. Ленсдоуну 21 января 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.91 turn.

¹⁶² Okamoto Sh. Op. cit. P.100.

¹⁶³ Журнал Особого совещания 15 (28) января 1904 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.166–172.

нейтральной зоне с границей по 39 параллели, за которую, как и Е.И. Алексеев, стояли Ф.К. Авелан, великий князь и, по сути, А.Н. Куропаткин (вместо нейтральной зоны – запрет на использование территории севернее 39 параллели в стратегических целях, что являлось более казуистичным и менее понятным). Он также продолжал утверждать о непризнании прав Китая на Маньчжурию¹⁶⁴. Против нейтральной зоны аргументированно выступил только В.Н. Ламздорф. Он объяснял это тем, что японцев испугает перспектива хаоса там, также их тревожили слухи о создании в бассейне р. Ялу стратегической позиции Россией. Конечно, граф хотел бы уговорить участников совещания отказаться от нейтральной зоны вообще. Однако он оказался в одиночестве и к тому же не обладал бойцовскими качествами. Поэтому при первом сопротивлении такой идее (великий князь Алексей Александрович, Ф.К. Авелан) министр иностранных дел объявил, что этот вопрос вне его компетенции и что если военные настаивают, то зону следует сохранить в проекте соглашения «во что бы то ни стало». Глава внешнеполитического ведомства также не вполне точно оценивал обстановку. Разрыв с Японией оборачивался в его представлении лишь высадкой японских войск в Корею и захватом королевства. Это казалось графу даже предпочтительнее, так как японцы становились «первыми нарушителями мира»¹⁶⁵. О войне у него и мысли даже не проскальзывало.

В итоге никакого консолидированного решения снова не приняли, новые редакции ст.5 и 6 (запрет на военные сооружения на корейском побережье и нейтральная зона без войск севернее 39 параллели) поручили подготовить В.Н. Ламздорфу¹⁶⁶. Не удивительно, что после разъяснений министра иностранных дел Николай II не утвердил журнал этого совещания. Разброс мнений, явная слабость аргументации свидетельствовали, что у бюрократической верхушки наступил своеобразный коллапс как государственного рассудка, так и политической воли. В этой ситуации самый здравомыслящий из всех участников совещания – В.Н. Ламздорф – обладал едва ли не наименьшими возможностями, чтобы настоять на собственном решении.

Пока А.М. Безобразов пребывал в Швейцарии, на контакт с японцами в Петербурге пошёл А.М. Абаза, сообщив им итоги Особого совещания 15 (28) января 1904 г. В его изложении получалось, что участники обсуждения более всего озаботились корейским вопросом, настаивая на запрете укреплять берега Корейского пролива и обязательно – на нейтральной полосе севернее 39 параллели¹⁶⁷. Это значительно расходилось с позицией и обещаниями

¹⁶⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.124–126. Запись 15 января 1904 г.

¹⁶⁵ Журнал Особого совещания 15 (28) января 1904 г. (копия) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. Д.105. Л.171.

¹⁶⁶ ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.198.

¹⁶⁷ Ч. Скотт – Г. Лэнсдоуну 3 февраля 1904 г. // PRO FO. 65/1678. P.132.

В.Н. Ламздорфа, что Россия готова пойти на существенные уступки. Возможно, что А.М. Абаза сознательно дискредитировал действия графа¹⁶⁸. Разумеется, японцы не принимали все его рассказы за чистую монету, однако Ш. Курино сделал вывод, что у Японии нет надежды получить от России удовлетворяющий её результат. Можно сказать, что именно безобразовцы подтолкнули его к такому заключению. Аналогичное мнение сложилось и в Токио. Даже такой сторонник соглашения с Россией, как Х. Ито, признал 30 января, что если даже Петербург откажется от нейтральной зоны и требования запретить использование корейской территории в стратегических целях, то, глядя на политику России в целом, это будет лишь временный мир¹⁶⁹.

В Петербурге же и после Особого совещания обсуждение русского ответа продолжалось. В.Н. Ламздорф по-прежнему настаивал на отказе от нейтральной зоны, А.М. Абаза категорически не соглашался¹⁷⁰. Его позиция отражала отношение Е.И. Алексева, который усматривал в последнем японском ответе лишь рост притязаний Токио и опять призывал заняться всесторонним обсуждением корейского вопроса¹⁷¹. Наместник уже утратил реальное влияние на переговоры и был откровенно раздражён происходящим. Он ещё до Особого совещания заявил дипломатическому чиновнику Г.А. Плансону: «Все ваши писания ничего не стоят. Я бы просто объявил японцам войну за их нахальство. Их необходимо проучить. Всё равно войны мы не избежим»¹⁷². Настрой на войну стал у Е.И. Алексева доминирующим. Он сообщил в Петербург, что не видит никакого смысла в продолжении переговоров из-за «большой твёрдости и самоуверенности» японцев и полагает, что вооружённое столкновение с Японией «должно быть признано неизбежным»¹⁷³.

Царь в который уже раз занял промежуточную позицию, предложив сделать статью о нейтральной зоне тайной¹⁷⁴. Николай II, искренне намереваясь

¹⁶⁸ Симанский П.Н. Указ. соч. С.209. Это обвинение выдвинул также близкий безобразовцам Ф.А. Львов, осведомлённый о посещении японской миссии А.М. Абазой перед разрывом переговоров (Львов Ф.А. Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны. СПб., 1906. С.45).

¹⁶⁹ Okamoto Sh. Op. cit. P.101.

¹⁷⁰ В.Н. Ламздорф – Е.И. Алексеву 20 января (2 февраля) 1904 г. и А.М. Абаза – В.Н. Ламздорфу 21 января (3 февраля) 1904 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.45–48).

¹⁷¹ Е.И. Алексеев – В.Н. Ламздорфу 3 (16) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.154. Эта же телеграмма была послана им и Николаю II (Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.37–38).

¹⁷² Дневник Г.А. Плансона. Записи 3 и 4 (16 и 17) января 1904 г. // Красный архив. 1930. №4–5 (41–42). С.158–159.

¹⁷³ Симанский П.Н. Указ. соч. С.200–201.

¹⁷⁴ Николай II – В.Н. Ламздорфу 21 января (3 февраля) 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.661. Л.76–77.

продолжать переговоры, выражал изрядное недовольство поведением японской стороны. Ещё 1 (14) января 1904 г. он объявил японскому послу Ш. Курино, выражая надежду на сохранение добрых отношений, «что Россия есть не только великая страна, но и часть света, и что у такой державы, несмотря на всё миролюбие, может наступить предел терпения»¹⁷⁵. Но самодержец не вполне понимал всю серьёзность происходящего. Кажется, он был по-прежнему уверен в том, что наихудшим результатом может стать высадка японцев в Южной Корее, после чего «кризис на Дальнем Востоке потеряет свою остроту»¹⁷⁶.

В конце концов, последнее русское предложение не содержало требования нейтральной зоны, хотя император поручил Р.Р. Розену любым способом склонить японцев к подписанию «особой секретной статьи» о ней¹⁷⁷. Но было уже поздно: японское руководство явно приняло принципиальное решение завершить переговоры после того, как 19 января (1 февраля) Ш. Курино сообщил в Токио о своём разговоре с В.Н. Ламздорфом, когда российский министр не только не смог назвать предполагаемую дату русского ответа, но и объяснял это трудностями устранить разногласия между министрами и Е.И. Алексеевым, не скрывая, следовательно, ту обстановку хаоса, которая продолжала царить в российских верхах. А до этого, 8 (21) января, японское руководство получило ещё более пессимистический отчёт о беседе дипломата с С.Ю. Витте. Свидетельством того, что в Токио уже отказались от идеи продолжать переговоры стала телеграмма 3 февраля, в которой японскому посланнику предписывалось более не предпринимать усилий, чтобы получить русский ответ или его суть впредь до особого указания¹⁷⁸.

22 января (4 февраля) 1904 г. В.Н. Ламздорф уведомил Ш. Курино, что ответ Петербурга отправлен Е.И. Алексееву, который уже не мог внести в него существенных изменений¹⁷⁹. Россия согласилась убрать из соглашения статью о нейтральной

¹⁷⁵ Слова Николая II были переданы А.М. Абазой Е.И. Алексееву телеграммой 8 (21) января 1904 г. (РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.212. Л.8).

¹⁷⁶ Резолюция Николая II на телеграмме Е.И. Алексеева 16 (29) января 1904 г. // ГАРФ. Ф.568. Оп.1. Д.180. Л.190.

¹⁷⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.205–207.

¹⁷⁸ Ю. Комура – Ш. Курино 3 февраля 1904 г. // Ниппон гайко буншо (Документы японской дипломатии, подготовленные японским Министерством иностранных дел). Т.37. Ч.1. Токио, 1958. С.91–92.

¹⁷⁹ 1. Взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи.

2. Признание Россией преимущественных интересов Японии в Корее и прав Японии подавать Корее советы и помощь, направленные к упорядочению управления Корейской империи.

3. Обязательство России не препятствовать развитию промышленной и торговой деятельности Японии в Корее и принятию мер для охраны этих интересов.

4. Признание Россией права Японии посылать в Корею войска для указанной в

зоне и снимала оговорки относительно признания трактатных прав иностранцев в Маньчжурии. Не сообщая деталей ответа, министр изложил своё частное мнение: Россия хотела бы дружески договориться с Японией по делам Дальнего Востока, но основой для этого должна быть констатация независимости и целостности Кореи, а также неиспользование её территории в стратегических целях. Он также не отказался полностью от нейтральной зоны¹⁸⁰. Разумеется, такие разъяснения не могли удовлетворить Японию. Получая постоянно информацию о хаосе, царящем в русских верхах, руководство Страны восходящего солнца не было уверено, что верх возьмёт компромиссная точка зрения. Поэтому за три часа до получения в Токио сообщения о разговоре с В.Н. Ламздорфом, в Петербург для Ш. Курино уже были посланы 3 депешы с уведомлением о разрыве дипломатических отношений с Россией. В этом решении надо видеть не изменение позиции Страны восходящего солнца на переговорах, а победу «партии войны», которая с самого начала выступала за решение проблем силовым путём. Тем не менее, вручая 24 января (6 февраля) японскую ноту В.Н. Ламздорфу, Ш. Курино уверял его, а Ю. Комура в Токио – Р.Р. Розена, что это не означает объявления войны.

Вероятно, счёт времени до старта боевых действий шёл в те дни на часы. Механизм войны в Токио уже запустили, однако нельзя исключать, что какие-то, пусть и ничтожные, шансы на предотвращение конфликта ещё оставались. Ведь 21 января (3 февраля) русский ответ сообщили Лондону, и Г. Лэнсдун оказался им полностью удовлетворён, к немалому смущению Т. Хаяши. Возможно, именно тогда японский посланник решил: телеграмма с русскими предложениями не должна быть получена в Токио¹⁸¹.

Удивительно, но в России почти никто не воспринял разрыв дипломатических отношений как преддверие войны. Даже морской министр Ф.К. Авелан после всё ещё утверждал, что война «немыслима»: «для того, чтобы драться,

---

предыдущей статье цели для подавления восстаний или беспорядков, могущих создать международные осложнения.

5. Взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории в стратегических целях и не предпринимать на корейском побережье никаких военных мер, способных угрожать свободе плавания в Корейском проливе.

6. Россия будет уважать все права и преимущества, приобретённые Японией наравне с прочими державами по договорам с Китаем, причём Япония со своей стороны обязуется признавать Маньчжурию с её побережьем стоящей вне сферы её интересов.

7. Взаимное обязательство не препятствовать соединению Корейской и Восточно-Китайской железных дорог, когда эти дороги будут доведены до Ялу.

8. Отмена всех прежних соглашений между Россией и Японией касательно Кореи (телеграмма В.Н. Ламздорфа Е.И. Алексееву 20 января 1904 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.46–47).

¹⁸⁰ Ш. Курино – Ю. Комура 5 февраля 1904 г. // Ниппон гайко буншо... С.96; Японская Белая книга... С.229.

¹⁸¹ Симанский П.Н. Указ. соч. С.222.

надо быть двоим<...> Мы ни в коем случае не доведём дела до разрыва»¹⁸². В Петербурге, по-видимому, продолжали думать, что позиция Токио означает только намерение захватить Корею. Именно поэтому Николай II ещё раз подтвердил наместнику, что высадка японцев в Южной Корее – не повод для открытия военных действий. Ему давалось право атаковать, «не дожидаясь первого выстрела с их стороны» лишь в случае появления десанта севернее 38 параллели¹⁸³. Только 24 января (6 февраля) Николай II в первый раз выразил серьёзную тревогу по поводу возможной войны с Японией. Он уже настолько устал, что единственным желанием монарха осталось достижение определённости: «воевать так воевать; мир так мир»¹⁸⁴.

Е.И. Алексеев не только не участвовал в этих обсуждениях, но 12 (25) января 1904 г. он впервые за несколько месяцев не получил ежедневных депеш из Токио, Пекина и Сеула. Оказалось, что российским представителям предписали обращаться за указаниями непосредственно в Петербург. Это означало, что Е.И. Алексеев фактически отстранялся от руководства дальневосточной политикой России. Однако его просьба об отставке принята не была¹⁸⁵. Продолжая исполнять свои обязанности, адмирал вёл себя малоадекватно ситуации, продолжая уповать на собственные представления и оценки. Получив известие об отзыве из Петербурга японского посла, Е.И. Алексеев вместо понятной тревоги и вопросов ему о войне, заявил: «Нет, это, вероятно, у них фортель какой-нибудь, чтобы вырвать у нас ещё некоторые уступки»¹⁸⁶. За несколько дней до нападения японцев русская эскадра в полном составе под командованием вице-адмирала О.В. Старка вышла из Порт-Артура в море и примерно сутки занималась различными манёврами. Однако наместник запретил привести эскадру в боевую готовность. 22 января (4 февраля) о морских манёврах узнали в Японии¹⁸⁷. Как оказалось, эти действия послужили для Токио «казусом белли»¹⁸⁸.

¹⁸² Пиленко А. Из литературных воспоминаний // Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Collection of B.I. Nikolaevski. Box 642. №18. P.4–5.

¹⁸³ Телеграмма Николая II Е.И. Алексееву 25 января (7 февраля) 1904 г. (получена 27 января) // РГА ВМФ. Ф.32. Оп.1. Д.219. Л.4. Она опубликована как телеграмма от 26 января (Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С.50).

¹⁸⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.128. Запись 25 января 1904 г.

¹⁸⁵ Бок Б.И. Завтрак у наместника // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.26; Ремнёв А.В. Указ. соч. С. 392–393.

¹⁸⁶ Балашёв И.П. Записки о русско-японской войне // Архив СПб ИИ РАН. Ф.115. Оп.1. Д.1167. Л.139, 143.

¹⁸⁷ Симанский П.Н. Указ. соч. С.223–224. По сведениям, приведённым В.А. Золотарёвым и Ю.Ф. Соколовым, телеграмму японского консула в Чифу о выходе эскадры из Порт-Артура получили в Токио 22 января (4 февраля) в 16.25. В этот же день вечером состоялось чрезвычайное совещание всего японского руководства, на котором было решено безотлагательно начинать войну (Золотарёв В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война 1904-1905 гг. М., 2004. Кн.1. С.278–279).

¹⁸⁸ Никитин (Фокагитов) Д. Как началась война с Японией // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955. С.50. Действия наместника, похоже, выражали его

26 января (8 февраля) началась высадка японцев в Корею, символично, что в это время в Петербурге проходило очередное совещание, на котором уже обсуждались не столько пункты договора с Японией, сколько отношение к появлению японских войск в королевстве¹⁸⁹.

Ход русско-японских переговоров 1903 г. показал, что едва ли не главную роль с русской стороны играли интриги и борьба за власть и влияние. То есть, в большей части они оказались продолжением внутренних проблем управления, явно находившихся в кризисном состоянии. Не удивительно, что Петербургу с трудом удавалось, и то не всегда, подыскивать ответы Токио, а чаще – он просто не находил их. Вместо формулирования консолидированной позиции российские верхи занимались либо перетягиванием одеяла на себя (Е.И. Алексеев и министерства – у кого больше власти), либо пытались настоять на собственном варианте решения проблем (А.Н. Куропаткин). Совершенно дезориентированные дипломаты действовали по противоречивым указаниям, а представления некоторых из них также нельзя назвать безошибочными (Р.Р. Розен). Тем не менее, в России практически никто не хотел участвовать в вооружённом конфликте. Исключением являлась только позиция Е.И. Алексеева, не стремившегося к войне во время переговоров, но уверенного в том, что схватки не миновать. Провоцировал ли он в последние мирные дни начало боевых действий – вопрос открытый. Более убедительным выглядит объяснение последних действий адмирала как его некомпетентность. В любом случае его нельзя выставлять единственным виновником с российской стороны. Немалую роль сыграл и С.Ю. Витте, подталкивавший по мере своих возможностей вооружённый конфликт, хотя его поведение нельзя рассматривать как определяющий фактор. Он, не скрываясь, видел в войне кратчайший путь к возвращению себе прежнего влияния. Военному министру А.Н. Куропаткину С.Ю. Витте прямо «говорил, что его надо с объявлением войны призвать к власти»¹⁹⁰. Но такие примеры среди российского руководства были единичны. Самодержавная власть отчётливо ощущала, что находится накануне войны, но, несмотря на это, оказалась не в состоянии предпринять необходимых мер, чтобы предотвратить её. Разумеется, это никак не снимает ответственности с Японии за развязывание вооружённого конфликта с Россией в 1904–1905 гг.

недомыслие. Вполне возможно, что Е.И. Алексеев решил манёврами поднять боевую готовность флота, не задумываясь о последствиях такого шага. Показательно, что в эти же дни наместник активно успокаивал моряков, заявляя, что нет никаких оснований опасаться войны.

¹⁸⁹ Дневник А.Н. Куропаткина. Б/м., 1923. С.130–132.

¹⁹⁰ Там же. С.127. Запись 20 января (2 февраля) 1904 г.